

смыслообразующие свойства.

И московские концептуалисты, и Стратановский работают в одном виртуальном пространстве - в пространстве языка советской утопии, доводя до абсурда основные элементы русского глобально-космического мифа. "Московская" критика этого мифа идет с позиций "здорового смысла" и сводится к осмеянию имперских святынь, к публичному рассекречиванию запретных словесных зон (например, мата), к десакрализации табуированных социально-политических формул. Ностальгическая ирония по имперски-иерархизированному, симметрически организованному бытию отличает новейшее столичное искусство. Корни же ленинградской поэзии Стратановского - в доимперской раннесоветской утопии, в метафизике коммунистического сектантства начала 20-х гг., ярче всего запечатлевшейся в прозе Платонова, где дикорастущие библеизмы странного образом срачивались с советскими - и религиозная подоснова "советской научно-технической веры" проступала со всей опасной очевидностью.

Современный петербургский поэт становится запоздалым, но страдательным свидетелем роковой встречи двух утопий: "мерной", рассчитанной и исчисленной - античной, и ветхозаветной - "безмерной", бесформенной и беспредельной. Эта встреча произошла в России и сделалась нервом не только нашей истории, но и повседневно, поэтому Стратановский прожигает историю русской утопии как проблему глубоко личную, причем, личность его лирического героя деформирована двойным давлением - со стороны принудительной рациональности и со стороны властвующей иррациональной стихии. Соответственным образом деформируется и его поэтический язык.

Поэт, как селекционер-мичуринец, насильственно сращивает разнородные слова, "прививает" один корень к другому: вот и появляются на его поэтической жилплощади "человеколады", "человекоконы", "головопузы и головотелье темнотельши и темнолобыши", растет вокруг "человекотрава"; в один ряд с нормальными канцеляризмами типа "Главрыба", "Главхлеб", "Ленсвет", "Ленгаз" встают "Ленмозг" и "Ленэнергии", знакомая каждому "стеклотара" переживает трансформацию в "баботару", "неботару" и наконец - в почти кощунственную, но не дающую забыть ницшеанское "Бог умер!" "боготару". Здесь и "Плеханов-вальс", и "Набоков-отель", и напоминающие о церковных спорах XVII века "любочавканье плоти" или "плотва-людоедица".

Стратановский, словно бы преодолевая какое-то фундаментальное косноязычие, изъясняется с помощью скрежещущего, скрипучего, полунемого языка-кентавраса, и его словесные монстры создают некое подобие, фразовый аналог слишком хорошо знакомого советского пейзажа - панорамы незавершенной грандиозной стройки с недоразрушенной церковкой на

периферии картины.

Но самое существенное в этом пейзаже - крохотная, мечущаяся, то и дело исчезающая из виду фигурка человека. Его бытие не гарантировано, оно случайно и периферийно - он не только не застрахован от возможных несчастий - он просто-таки притягивает к себе то дурное, чего могло бы и не произойти, вернее, чего не могло бы вовсе случиться, как, скажем, убийства ни в чем неповинного колхозника молнией в Ильин день.

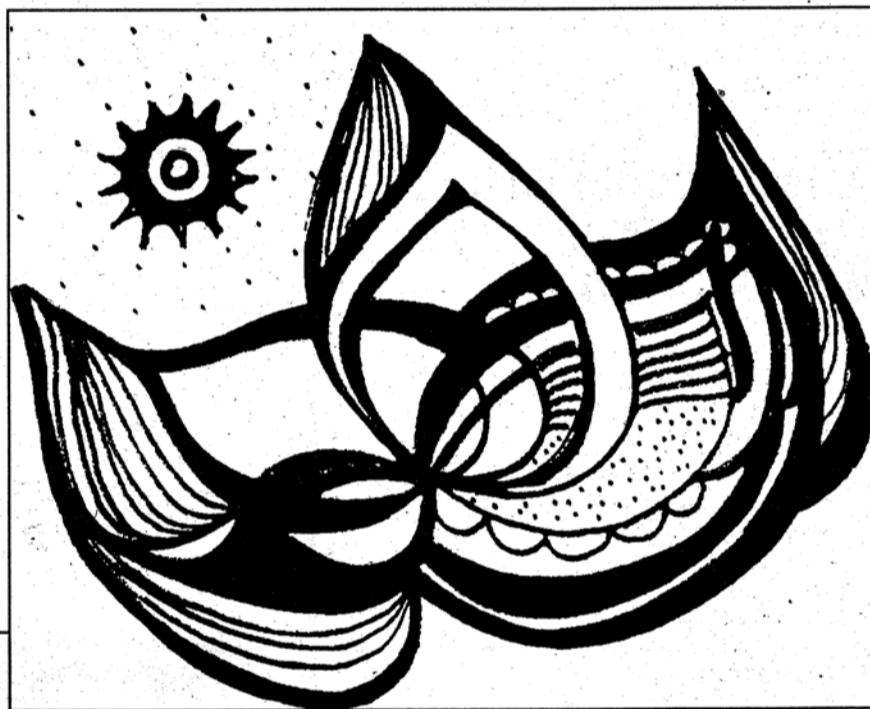
Он был не вор и не грабитель
Он ставил свечи всем святым
Но с неба Бог его увидел
И пошутить решил над ним
Не в ореоле властелин
Он жил колхозником безвестным
Но был убит огнем небесным
Ильей-пророком в день Ильин.

Герой этого стихотворения остался бы жив и невредим, будь он убежден, что Илья-пророк - всего лишь выдумка, просто атмосферное явление, т.е. окажись он атеистом. Но наш петербургский поэт вовсе не атеист, и поэтому может оказаться прозорливее и последовательнее, чем его московские коллеги-постмодернисты. Их ностальгическая критика русско-советской утопии сводится к проблеме неисполненных обещаний и неосуществленных гарантий. Однако устремленная в будущее советская утопия предпочитала не давать никаких индивидуальных гарантий именно потому, что она гарантировала процветание обществу и даже шире - космосу в целом.

Цветущий космос сталинской державы разлагается долго и красиво, до сих пор продолжается этот процесс. У разложения есть своя эстетика, своя притягательность. Запах разложения растений - это запах вдохновения, Болдинской осени, запах

Царскосельского парка - пряный острый аромат, который ощутили все те, кто приехал в Царское село 18 октября 1995 года поздравить Сергея Стратановского с вручением премии.

Но, видимо, светлое имя Пушкина навсегда уже связалось с именем Мичурина, ибо здание лицея, где проходила очередная церемония награждения царскосельских лауреатов, соседствует с корпусами Сельхозинститута. И в таком соседстве есть определенный смысл.

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ ДОБРА И ЗЛА

"Может, мы чего-то не понимаем... Что, разве они хорошо играют?"

"С вами все в порядке. Вы понимаете, а играют они действительно плохо..."

"Тогда почему же их так хвалят?"

Разговор этот - в данном случае неважно о ком - заставил меня надолго задуматься. Неумеренные и незаслуженные похвалы, к которым люди знающие относятся иронически, как вода из прохудившегося крана - льются и льются, капают и капают...

Я не собираюсь подкапываться под пьедесталы, обличать несправедливо добытую славу, раздавать сестрам по серьгам. Но недоумение и обида молодых музыкантов - это я в начале статьи процитировала своих студентов - вызывают к некоему принципиальному разговору. Казалось бы, что обижаться-то? Ну подумаешь, плохо играют... Своего похвалить - святое дело! Потом тебя похвалят! А играть можешь плохо, кто поймет! Где тут вообще хорошо, где плохо? Брукнер Вагнера хвалят, Лев Толстой ругает... В искусстве понятия добра и зла растяжимы и относительны...

А что мы увидим, если "посмотреть в корень"? Что там, в раю, за древо познания добра и зла росло? Зачем оно?

"И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла" (Быт. 2, 9).

"И заповедал Господь человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь" (Быт. 2, 16-17).

Вот она, первобытная путаница. Деревьев два. Одно - древо жизни - не запрещено. Запрет наложен только на древо познания. Плод древа познания смертелен?

Змей приглашает Еву нарушить запрет. "И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть". (Быт. 3, 2-3).

Не перепутала ли Ева? Что за древо среди рая? Как видно из первой цитаты, как раз древо жизни!

Но наказание последовало за плоды, запрещенные людям, - значит, это все-таки было древо познания добра и зла. Почему его легко было перепутать с древом жизни?

Адам вкусил от древа познания - и не умер?

Но была ли смерть наказанием за запрещенное знание? Был ли Адам изначально бессмертен?

Нет, ведь Господь Бог, наказав Адама, говорит: "Вот, Адам стал как один из нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал

жить вечно" (Быт. 3, 22).

Адам может стать бессмертным, только если догадается съесть плод древа жизни. Значит, запрет на познание - запрет вечной жизни. Действительно, оба древа в известном смысле равны.

Жизнь путается со знанием, знание - с жизнью. Но что это за жизнь, в которой все,

для чего люди созданы, превращается в проклятие? Размножение, питание травой полевой, возделывание земли - ведь как раз это людям и заповедано сразу по их сотворении. А ведь древо-то называется "древо познания добра и зла". А не одного зла! Скорее, это древо превращения добра в зло!

А что за познание? Совершенно ли оно? Познать удастся только свою неполноценность - наготу, чувство стыда перед Богом.

Вот удел человеческого познания. Познать жизнь вечную, славу, равенство богам мы не можем.

Может быть, поэтому жалко и смешно выглядит "звезда", поворачивающаяся туда-сюда в сиянии эстрадной славы и с почтением говорящая о себе: "мое Творчество".

Познание - различение добра и зла. Изначально оно настроено именно на познание зла. На критику, то есть.

Что не поделено на "черное" и "белое", на добро и зло, то нежизнеспособно.

Прошли времена Адама и Евы. И Господь Бог не приглядывает за нами в райском саду, и Херувима с пламенным мечом обрачающимися что-то не видно. И где они, последствия вкушения плода? Где потомки Адама и Евы, добро и зло различающие? Может быть, советский человек не от Адама с Евой, и это все не про него?

Боюсь, не вымер бы только. Следа в истории не останется от сегодняшних знаменитостей. Конечно, "поэт и верит, и поет не для девического вздоха".

Где древо познания добра и зла - там рай. В босховском алтаре "Сад наслаждений" левая створка - музыкальный ад. За чудовищные инструменты, за режущие уши звуки, за параллельные квинты и тритоны, за суету и пустоту музыкантской жизни сколь многие угодили в ад... А в правой створке, в раю, музыкантов нет...

Наталья Эскина